

ГЛАВА 1

Теплый луч летнего солнца просочился сквозь полупрозрачную светло-зеленую шторку. Я неохотно потянулась и нажала кнопку на телефоне, из которого грохотали аккорды хэви-метала. Холод шелковой ночной рубашки неприятно скользнул по телу тягостным ощущением наступившего рабочего понедельника.

Открыв глаза, тоскливо подумала: как же хочется поваляться еще хотя бы несколько минут, но нельзя, а то засну, опоздаю, потеряю работу, а вместе с ней и билет в лучшую жизнь. Едва не запутавшись в одеяле, я резким рывком подскочила с кровати. На синем экране смартфона мерцало уведомление о пропущенном звонке. Часы показывали ровно девять утра. До важнейшей презентации оставалось чуть меньше часа.

Преодолевая сонливость, я дошла до кухни, включила кофемашину и вытащила из холодильника заранее приготовленную с вечера «ленивую» овсянку. Тренер всегда говорил, что каша и белковые продукты — лучшее начало дня для тех, кто заботится о фигуре.

Опаздываю... Обойдусь кашей. Двадцать минут на легкий макияж. И какая курица придумала, что он легкий? Бронзер, хайлайтер, прочие «-еры», без

которых приличной женщине не то что в офис — за хлебом в магазин не выйти.

Завтрак не задался: кофе оказался горьким — закончились сахар и сливки, а каша — слишком холодной, липкой и вовсе не такой вкусной, как обещали модные блоггерши.

Придется добираться до работы на метро, решила я. Соваться в центр по летним московским пробкам — убийственно для нервных клеток и времени, которого и так оставалось все меньше. Впрочем, не менее убийственно и погружение в хаос общественного транспорта, высасывающего силы еще на подходе.

Начинаю понимать, почему завистливые однокурсницы шептались за спиной, когда мой спорткар, сверкнув начищенными фарами, изящно припарковался возле здания alma mater, где почти все было готово к началу выпускного торжества. Между прочим, кто бы что ни думал, тачка мне досталась благодаря честному труду, подработкам и умению копить. В отличие от некоторых, я не только на парах преподав слушала, старательно запоминая все, что может пригодиться в жизни, но и где только не пахала как проклятая.

Теперь же годы обучения позади, а красный диплом тешит самолюбие. Многие коллеги так и остались на начальных ступенях карьерной лестницы, а передо мной распахнулись двери международной компании, освещающей самые резонансные мировые события.

Если сегодня повезет, то очередное повышение по службе не заставит себя долго ждать, а шеф, может быть, спустит на тормозах мелкие оплошности.

Девять тридцать. Выбегая из квартиры, я чуть не сломала каблук на узких и неудобных офисных туфлях. Отполированная до блеска плитка на лестнице грозила заменой конечной точки маршрута с офиса на травмпункт. Главное не застрять в сливной решетке, как случилось пару недель назад. Наверняка еще и какой-нибудь школьник снял этот позор, чтобы показать одноклассникам неуклюжую дуру, уворачивающуюся от толпы. И почему профессионализм оценивают лишь по туфелькам и белым воротничкам? От того, что на тебе надето: кроссовки вместо шпилек и джинсы с футболкой вместо тесного костюма, — уровень квалификации не изменится ни на йоту.

Я у начальства на хорошем счету, но в недалеком будущем все может резко перемениться, если количество опозданий превысит допустимую норму. Несмотря на прочно укоренившийся еще с университета синдром отличницы, пунктуальность никогда не была моей визитной карточкой и значительно подгаживала репутацию.

Общественный транспорт способен довести до белого каления! Люди злые, вечно куда-то несутся, будто опаздывают на самый последний в своей жизни поезд. Сегодня в метро было очень многолюдно, несмотря на то что старушки с тележками давно расползлись по дачам, а многие труженики разлетелись по отпускам. Толкотня и жара в вагоне, отвратительный коктейль из запахов пота, низкокачественного парфюма и разлитого в углу дешевого пива не вызывали ничего, кроме приступов тошноты. Я старалась отрешиться от пихающейся, гомонящей толпы. Чудом держалась, не позволяя плотному люд-

скому потоку утянуть меня вглубь вагона, где я рисковала проехать свою остановку.

После каждой такой поездки хочется не на работу, а домой, в ванну — замачиваться в горячей воде с лавандовой солью и оттираться шоколадным гелем для душа.

С наслаждением вынырнув из душного пестрого безумия утренней суеты, я остановилась у дверей филиала. Ощущение времени и знание основ грамотного планирования не покинули меня — несмотря на задержку, даже нашлось несколько минут, чтобы успокоиться, привести себя в чувства, нацепить маску истинной леди.

— Красотка, зажигалочки не будет? — Из-за двери на фотоэлементах выплыл охранник Михалыч. Весь женский коллектив нашего офиса давно просит босса перевести этого хряка куда подальше — сил уже нет терпеть сальности и заигрывания. Когда-нибудь не удержусь и возьму его на болевой. Не зря же пятый год джиу-джитсу занимаюсь.

— Я уже было собралась, игнорируя неприятного охранника, пройти в здание, как вдруг проезжавший мимо курьер доставки еды едва не сбил меня с ног. Не удержав равновесие, я покачнулась на тонких шпильках. Полупрозрачная ткань колготок зацепилась за ржавый болт, торчащий из опоры перил.

— Гы-гы! — пробасил Михалыч и похабно подмигнул.

— Да пошел ты! — процедила я сквозь зубы и поспешила в офис.

В лифте, на свою беду, столкнулась с шефом. Зеленоватое, желчное, вечно унылое лицо руководителя сегодня выглядело мрачнее обычного.

— Здравствуйте, Петр Игоревич. Что-то случилось? — участливо поинтересовалась я. О здоровье и духе начальства необходимо осведомляться первым делом.

— Случилось, Иванова! Еще как случилось! — по-змеиному прошипел шеф. — Опять опаздываешь, внешний вид как у подростка в пубертате. Твою презентацию, между прочим, приехал оценить главред!

— Сам?! — слова застряли в горле. Главного редактора агентства за глаза называли «Лох-Несским Чудовищем», потому что мало кто его видел — жил этот персонаж где-то на личной вилле на тропическом курорте. Но ходили слухи, что редкие встречи с ним не несут ничего положительного.

— Сам! Твое счастье, что он согласился опрокинуть рюмку к... кофе. Так что бегом, приведи себя в порядок, — начальник взглядом указал мне на испачканный сигаретным пеплом рукав, — и быстро в переговорную!

Лифт остановился, мелодичный женский голос сообщил номер этажа, звякнул колокольчик, и двери распахнулись. Шеф направился в сторону кабинета, а я, внемля его совету, забежала в «комнату для девочек». Отражение в зеркале показало удручающую картину. Доехать в толчее, не потеряв презентабельного вида, не получилось: тушь потекла и осыпалась, оставляя под глазами круги, как у панды, размазалась любимая ярко-красная помада, производитель которой обещал устойчивость даже в самых экстре-

мальных ситуациях. Идеально уложенное каре цвета «платиновый блонд» растрепалось.

Поправив макияж и прическу, я наспех затерла пятно пепла на рукаве. Брызги воды вокруг раковины спровоцировали привычное недовольное ворчание уборщицы Фатимы. «Дома стирать надо. Только протерла же!» — пробубнила женщина. Я проигнорировала возмущение и уверенной походкой направилась в кабинет для переговоров. Несколько коротких дыхательных антистресс-упражнений помогли усмирить волнение и решительно распахнуть дверь. Вот он — шанс подняться еще выше и присоединиться к современному бомонду.

— Уважаемые коллеги, а вот и наше будущее журналистики. Буквально бриллиант нашего филиала, Елена Сергеевна Иванова, — елейным тоном, будто бы и не устраивал разнос некоторое время назад, произнес шеф, обращаясь к двум солидным мужчинам в строгих черных костюмах.

Первый — похожий на поросенка толстяк — вытер пот со лба платком с вышитой золотой монограммой. От внимательного, изучающего взгляда человека, не нуждающегося в представлении, по телу пробежала дрожь.

Второму — спортивному, подкачанному парню в белой рубашке — не было никакого дела до происходящего: он безразлично что-то строчил в серебристом планшете.

— Елена, начинайте. Проблема социального кризиса в Намибии должна стать известна миру, — произнес толстяк, растягивая гласные.

Нервно сглотнув, я поставила свою миниатюрную кожаную сумочку, украшенную шипами, на стол, запустила руку в потайной карман... и обнаружила там пустоту. Черт! Черт! Черт! Специально же положила флешку с презентацией на крышку ноутбука, чтобы не забыть, — и вот, как назло, оставила ее дома!

— Петр Игоревич... У нас технические неполадки. — Я старательно сохраняла каменное выражение лица. — Мы можем попросить у наших уважаемых коллег еще немного времени?

— Да сколько угодно, — в голосе главреда прозвучали неожиданно дружелюбные нотки, не сочетающиеся с внешностью зажавшегося олигарха. — Петр, попросите свою милую помощницу сделать кофе. С коньяком для меня, а моему ассистенту — на растительном молоке. Проследите, чтобы ничего не перепутали.

— Конечно-конечно, — залезбил начальник, показав мне жестом, что беседа продолжится в коридоре.

Пришлось сделать еще несколько дыхательных циклов, прежде чем удалось объяснить начальнику суть проблемы.

— Елена! — громыхал шеф на весь коридор. — Вы понимаете, что натворили? Главный редактор не станет приезжать из Германии к нам просто так! Компания переживает не самые лучшие времена, и вы нас так подставляете! Никто из сотрудников за последний квартал так и не предоставил достойные внимания статьи! Да и ваша Намибия, между нами, тоже полная чушь! Наш филиал на грани закрытия!

Я исподлобья смотрела на гневающегося начальника. Слезы сами лились из глаз, оставляя на щеках черные дорожки якобы водостойкой туши.

— Сделаем так... — прооравшись от души, выдохнул шеф. — Мы предоставим вам любые возможности, которые в наших силах, и соответствующее финансирование, а вы в течение двух недель достанете новый материал. Но это должна быть бомба! Мировая сенсация! О ней должны хотеть услышать миллионы! Сделаете — не получите выговор, а если мне понравится, я, может быть, прощу вас и повышу в должности. Если нет — будете уволены. Свободны, Елена Сергеевна! Чтоб духу вашего здесь не было, а статья через четырнадцать дней была у меня на столе!

— До свидания, Петр Игоревич...

Я долго рыдала в туалетной кабинке, размазывая по щекам слезы и макияж. Надо же было так облажаться! Перед Самим! Мысленно я уже сдавала пресс-карту и удостоверение и шла устраиваться мыть полы в дешевом общепите.

— Э, хорош там реветь, мне пол мыть надо, да! — Уборщица Фатима бабахнула в дверь шваброй. Пришлось выйти.

Спускаться в метро долго не хотелось. Казалось, что все вокруг смотрят на меня, на нелепый внешний вид, на покрасневшие от слез глаза и распухший, как у деревенской пьяницы, нос и точно знают о грандиозном провале. Я бесцельно бродила по улицам вокруг станции.

Из ресторанчика через дорогу аппетитно потянуло выпечкой. Опять тренер будет ругать за излишнюю

любовь к мучному, но шел бы он. Если я сейчас не успокоюсь и не придумаю, что делать, то он потеряет клиента.

Присев за столик под размашистым летним зонтиком, заказала у тут же подскочившего мальчишки-официанта пряный латте, клубничный круассан и эффектно полыхающий при подаче Б-52. Говорят, сладкое полезно и при стрессе, и при мозговом штурме, а алкоголь снимает внутреннее напряжение. Не помогло. Коктейль пошел как вода в сухую землю — я даже не успела ощутить его сливочно-терпкий привкус, а хрустящее тесто круассана процарапало горло, будто наждак.

Откуда взять этот чертов материал? Лезть в политику? Себе дороже: сменить дорогую квартиру на тюремную камеру я желанием не горю. Писать про светскую жизнь? Так они все там уже сами себе журналисты — что ни день, то сотни фотографий во всех ракурсах и позициях в многочисленных соцсетях.

Из мрачных размышлений меня выдернул непривычный звук: кто-то зазывно вещал из хрипящего помехами мегафона. Повернув голову на источник шума, я увидела палатку, выкрашенную под зеленый камуфляж. Старая армейская практика — предлагать службу по контракту без посещения военкомата.

Обычно у выездных пунктов призыва немногочисленно, если не сказать никого, а сегодня вокруг толпились как совсем молодые парни, так и довольно возрастные мужчины.

Наскоро расплатившись с официантом, я оставила чаевых больше, чем положено обычно. Плевать,

ведь, похоже, Мироздание практически на блюдечке заносит второй шанс.

— День добрый, издание International Today. — Я продемонстрировала пресс-карту, проскользнув в начало очереди. — Как у вас сегодня оживленно... По какому случаю ажиотаж? Если это не военная тайна.

— Да какая тайна... Им разве что-то секретное доверишь? — усмехнулся в усы пухлощекий мужчина в камуфляже, кивнув на группу парнишек. Потенциальные контрактники, принимая нарочито маскулинные позы, делали селфи на фоне палатки. — У нас новый набор желающих послужить Родине и всему миру.

— Ого! Это как? — Привычным движением ладонь скользнула в сумочку к кнопке включения диктофона, спрятанного в кармашке.

— Ты знаешь, что такое Зона? Нет, не та, где уголовников держат, а которая в Чернобыле рванула дважды.

— Ну-у... слышала что-то, — протянула я.

— Хорошо наши работают, население спит спокойно, — довольно произнес военный. — Так вот, мало того что она до сих пор фонит, так еще и после второго взрыва много всякой опасной дряни народилось. Нет чтобы на пушечный выстрел к заборам никому не подходить, так ведь находятся идиоты, которым там прям медом намазано. Сталкерами себя зовут. Насмотрятся кина — и давай на задницу приключений искать. И ладно бы лезли через Периметр и там и дошли, нет... выживают. Возвращаются и тащат на нашу чистую землю всякую дрянь. Вот мы